

Он опустил голову и смотрел ему в глаза, выглядя немного взволнованным, и в них была тревога и нетерпение, которые Сюэ Хуай не понимал.

Как будто... человек перед ним собирался ускользнуть.

Сюэ Хуай на мгновение потерял дар речи.

По мнению всех, это действительно был заключенный брак, даже если только они вдвоем знали, что происходит. Но он тянул до сих пор, и это уже было очень некрасиво.

Не будет преувеличением сказать, что он держит его в подвешенном состоянии.

Он знал, что свадебный договор в прошлой жизни был отдан ему. Что касается фразы “никудашный защитник”, он мог понять это так, что он тогда в подземном мире неправильно поверил слухам. В прошлой жизни он погиб из-за “частичного слушания”, и, кажется, кроме взаимного непонимания в последнее время, не за что обвинять Юнь Цо.

Он выбрал следовать за ним. Прошла целая жизнь, вернувшись, раз нет вины, значит, обиды исчезли.

Он любил его. В этой жизни так много всего изменилось, должен ли он воспользоваться этой возможностью?

Пойти... попробовать, быть вместе с тем, кого он любил в прошлой жизни?

Подумав немного, он все еще чувствовал, что не может найти никакой зацепки. Он никогда не был нерешительным человеком, но в этом вопросе он колебался снова и снова.

Юнь Цо пошевелился, сел на кровать, которую Сюэ Хуай застелил ему несколько дней назад, а затем снял верхнее одеяние, аккуратно сложил его, лег в кровать и укрылся одеялом, обнажив пару спокойных глаз, чтобы посмотреть на него.

...И немного милых.

— ...

Сюэ Хуай сказал:

— Нет. Я еще не подумал. Дай мне еще немного времени на раздумья.

Он увидел, что Юнь Цо снова собирается что-то сказать, и сердито сказал:

— Не возражай. Если ты сейчас скажешь хоть слово, я буду думать на месяц дольше.

Юнь Цо действительно не стал говорить. Он кивнул, даже его дыхание было очень тихим. Сюэ Хуай был немного горд тем, что ему удалось осуществить свою маленькую прихоть, и собирался перешагнуть через Юнь Цо. Когда призрак-обжора, обиженный на него, увидел, что он идет, и, чтобы выразить свою твердую решимость не спать с Сюэ Хуаем, со свистом прыгнул с кровати и направился к двери.

Этот удар прямо споткнул Сюэ Хуая, и, поняв, что собирается упасть, он быстро схватился за шкаф сбоку, но он не ожидал, что Юнь Цо, спящий на полу, тоже подсознательно встанет и потянет его за руку. Он длинной рукой схватил его за лодыжку, заставив его отступить на несколько шагов и со стуком упасть назад, а затем он попал в теплые объятия.

Юнь Цо уже сел, когда испугался, что он упадет. Сюэ Хуай только чувствовал, что у него за спиной тепло и крепко - это была грудь Юнь Цо.

Продолжительное дыхание звучало у него в ушах.

Место, где рука Юнь Цо касалась его, горело - сначала он думал, что его рука слишком горячая, потому что Юнь Цо всегда был с такой обжигающей температурой, но позже понял, что он вывихнул ногу.

Он втянул воздух от боли.

Кончики пальцев Юнь Цо вспыхнули чистым белым сиянием, осторожно надавили на его лодыжку и медленно массировали.

Он массировал очень серьезно, и выглядел сосредоточенным, но когда кончики его пальцев касались нежной кожи, на которой появлялся румянец, всегда чувствовалось немного двусмысленности.

Он снова услышал сердцебиение Юнь Цо, тук-тук, тук-тук.

Сюэ Хуай долго сдерживался, а затем спросил:

— Ты это нарочно?

Юнь Цо был в замешательстве.

— Хм?

Сюэ Хуай тихо пробормотал:

— Это ты научил плохому призрака-обжору...

Призрак-обжора спрятался за дверь и слушал из-за угла стены, от скуки ковыряя дверной косяк. Чистый голос юноши постепенно стих, и, наконец, был прерван.

Это был низкий голос Юнь Цо.

— Я не нарочно.

Сюэ Хуай смущенно сказал:

— Ох.

С этими словами он попытался встать, но, как только он немного отошел, его снова потянули назад.

— ...А это нарочно.

Он услышал, как сказал Юнь Цо.

В этот момент Юнь Цо внезапно пошевелился, из сидячего положения перешел в положение на коленях, протянул руки, обнял Сюэ Хуая и положил подбородок ему на плечо. Это был чрезвычайно смелый поступок, но он намеренно, нарочно хотел проверить его, запугать его, воспользоваться тем, что он не готов.

Это его способ продлить жизнь, это единственный способ, которым он может облизывать мед на кончике языка в этой жизни. Сюэ Хуай может забрать его жизнь, даже если он ничего не делает, просто обнимая его, это уже может заставить его сердце бешено биться, почти взрываясь.

Он запинаясь спросил:

— Я нарочно хочу обнять тебя, ты будешь злиться? Если ты не злишься, значит, это не особо противно?

Каким-то образом Сюэ Хуай сказал:

— Нормально.

Когда он понял, что сказал, Сюэ Хуай почувствовал, что его лицо немного горит.

Но он не собирался менять свои слова. Его характер всегда был таким, как есть, и если он будет продолжать смущаться, то это действительно станет манерностью.

Юнь Цо застыл и спросил его:

— Что? Я не расслышал, Сюэ Хуай.

Сюэ Хуай сохранял спокойствие.

— Я сказал, что нормально. Ты неплохо обнимаешь.

Он приподнял глаза и оглянулся на него, его глаза были немного небрежными и игривыми. Как кот, ленивый по своей природе и жадный до тепла, поэтому, если есть объятия, которые могут дать ему тепло, он готов свернуться на чьих-то коленях и расслабить шерсть, позволяя гладить.

Это провокация, но также и своего рода снисходительность.

В этот момент Юнь Цо не осмелился даже пошевелиться - даже дыхание и моргание, казалось, спугнут человека в его объятиях. Это был украденный им короткий мир.

Он даже не осмелился спросить Сюэ Хуая, что это значит, можно ли этому верить, или это просто мимолетное желание, когда упрямое сердце встало.

Он просто стоял на коленях позади него, обнимая его в полностью собственнической позе, спокойно слушая сердцебиение друг друга. К вечеру закат быстро угасал, унося с собой свет, и комната постепенно окрашивалась в желтоватые и оранжевые тона.

Призрак-обжора уже заснул у двери.

Сюэ Хуай сказал:

— Хорошо, дай мне встать.

Юнь Цо сказал:

— Хорошо.

Но он не собирался двигаться, и Сюэ Хуай мог только с трудом оторвать его руки от своей талии и засунуть их обратно в одеяло.

Он посмотрел на Юнь Цо. Юнь Цо сразу понял, что происходит, и молча завернулся в одеяло, что означало, что он собирается спать.

Он собирался спать, Сюэ Хуай не должен быть таким жестоким, чтобы снова выгнать его, верно?

Сюэ Хуай не знал, смеяться ему или плакать.

— Еще нет луны, а ты уже спишь? Вставай, вставай, пошли есть. Если хочешь спать, иди спать обратно, я собираюсь заниматься, будет шумно.

Он пошел дергать Юнь Цо за руку и поднял его, но Юнь Цо, как осьминог, снова бросился на него и обнял его.

Юнь Цо тихо сказал:

— Брат Сюэ Хуай...

Сюэ Хуай сердито сказал:

— Юнь, тебе пора остановиться.

Он явно был ниже его ростом, но серьезно встал на цыпочки и ткнул пальцем ему в лоб, прижал его к стене, размахивая когтями, но все же с легкой улыбкой. Это было похоже на то, как он дразнит его, а не на то, что он легкомысленно относится к нему.

Такая близкая и откровенная поза, которой у него никогда не было в этой жизни. В этот момент безумная радость охватила конечности Юнь Цо, заставив его растеряться, заставив его удивиться и замолчать, и предыдущая тьма исчезла. Только через долгое время он понял, что Сюэ Хуай говорит с ним.

Даже страх и беспокойство, которые днем давили на его сердце и заставляли его дрожать, рассеялись.

Сюэ Хуай посмотрел на него.

— Эй, ты слушаешь? Я не хочу идти в столовую. Мы попросим Цинняо купить еду или ты хочешь приготовить?

Юнь Цо поспешно сказал:

— Я приготовлю. Что ты хочешь поесть, Сюэ Хуай?

Сюэ Хуай подумал.

— Все равно. Я не очень придирчив и не ем много. Готовь в основном то, что нужно тебе.

В Теплом павильоне учеников секты все было оборудовано. В комнате каждого ученика была небольшая кухня, но кухня Сюэ Хуая никогда не использовалась. Молодой господин Сюэ никогда не пачкал руки весенней водой. Единственное, что он умел делать по дому, это убирать свою комнату, потому что он никогда не позволял никому, кроме призрака-обжоры, прикасаться к своим вещам.

*“Весенняя вода” - работа по дому.

Само собой разумеется, что нет ни ингредиентов, ни кастрюль и сковородок, ни приправ.

Сюэ Хуай сказал:

— Это легко сделать.

Он достал листок бумаги и передал его Юнь Цо, попросив его написать на бумаге то, что ему нужно, а затем вместе с двадцатью золотыми семечками дыни положил его в парчовый мешочек и повесил его на шею призраку-обжоре.

— Сяо Тао, будь хорошим мальчиком, иди купи все необходимое у торговцев у подножия горы.

Призрак-обжора нехотя и обиженно ушел.

Юнь Цо посмотрел на Сюэ Хуая.

— Ты хорошо его вырастил.

Сюэ Хуай сказал:

— Это естественно. Однажды призрак-обжора научится готовить, сражаться, носить людей на спине, присматривать за домом и многому другому. Это будет намного удобнее, чем люди. Я сделаю его самым выдающимся призраком-обжорой в Шести Мирах.

Юнь Цо незаметно начал рекомендовать себя:

— Но видишь ли, чтобы научить его стольким вещам, боюсь, потребуется немало времени, верно? До этого, не хочешь ли ты рассмотреть...

Сюэ Хуай немедленно прервал его:

— Ты снова нарушаешь правила. Я только что сказал, что еще не подумал, поэтому ты не должен торопить меня. Если ты скажешь еще слово об этом, я буду думать на месяц дольше.

Юнь Цо снова перестал говорить.

Сюэ Хуай был очень доволен.

Он и Юнь Цо сначала убрали небольшую кухню, которая никогда не использовалась, а затем выделили время, чтобы записать на бумаге две даты.

Одной из них была дата пограничного испытания, которое должно было состояться через несколько дней.

Другой была дата инцидента с Сюэ Цзуном в прошлой жизни, примерно во время их весенних каникул.

Сюэ Хуай в промежутках между делом нарисовал простой знак и наскоро написал имя Юнь Цо, а затем написал несколько слов "метод наблюдения за сердцем".

Он решил поскорее обдумать этот вопрос, и впервые в жизни вынес на повестку дня вопрос о том, "стоит ли ему вступать в романтические отношения с кем-то".

Что касается наблюдения за сердцем и испытания, которое должно состояться через несколько дней, то и он, и Юнь Цо были очень серьезными людьми, когда дело доходило до дела. Хотя это было небольшое испытание, оно не должно быть сложным для них, но Сюэ Хуай также решил хорошо подготовиться.

Вскоре призрак-обжора радостно вернулся, очевидно, прогулявшись, его настроение улучшилось - он выплюнул несколько запечатанных больших мешков Сюэ Хуаю, в которых было все, что им нужно.

Сюэ Хуай похвалил призрака-обжору, наградил его, дав съесть еще несколько камней, а затем наблюдал за тем, как Юнь Цо готовит.

На середине пути Юнь Цо схватил его и пошел разводить огонь.

— Сюэ Хуай, тебе тоже нельзя бездельничать. Иди и контролируй рост этих нескольких кусков дерева. Не дай им сгореть так быстро.

Сюэ Хуай пробормотал:

— Значит, для совершенствования древесного корня нужно добавлять дрова? На самом деле, я лучше разбираюсь в водных корнях. Раньше я мыл посуду.

Но он послушно подошел.

Юнь Цо сначала был ошеломлен, казалось, что-то вспомнил, а затем в его глазах появилась улыбка.

— Ты дома моешь посуду?

Сюэ Хуай ответил:

— Я любил играть, когда был маленьким, и любил управлять водой, и в то время я мыл посуду дома.

Он не договорил еще половину фразы. В прошлой жизни в армии, когда он был занят, он тоже мыл посуду.

Юнь Цо ничего не сказал.

Он приготовил четыре блюда и один суп, и все они без исключения были любимыми блюдами Сюэ Хуая: трио хрустящих божественных закусок, цыпленок, тушенный с целебными грибами линчжи, рулька “сто цветов”, небесный рис с персиками пан и изумрудный суп с цветами мертвых.

Сюэ Хуай держал палочки и немного колебался.

— А что насчет тебя? Нет ничего, что ты любишь есть.

Юнь Цо ответил:

— Тебе не нужно беспокоиться обо мне.

Сюэ Хуай смотрел, как он добавляет всего понемногу, а затем достает откуда-то банку с чем-то похожим на маринованные овощи, которые едят в Мире Смертных, и смешивает вместе с рисом.

Заметив, что Сюэ Хуай смотрит на него, Юнь Цо немного сдержался и повторил:

— Ничего, у меня грубый вкус, тебе не нужно обо мне беспокоиться.

Но Сюэ Хуаю приглянулась эта банка с маринованными овощами.

— Что это такое? Я могу попробовать?

Юнь Цо еще больше напрягся. Он поспешно убрал банку и сказал:

— Там нет ничего вкусного. Это то, что едят люди из Мира Демонов. У них тяжелый вкус, они острые и жирные. Демоны часто едят их, когда пьют вино. Они не могут быть поданы на стол. Тебе не понравится.

Но Сюэ Хуай не сдавался, перелез через стол, чтобы выхватить, зачерпнул немного палочками и, несколько раз пожевав, оценил:

— Ничего, это... ух, немного остро.

Он не очень хорошо переносил острую пищу, и, попробовав этот кусок, он почувствовал, что кончик его языка болит, и быстро загорелся. Он поспешно выпил глоток горячего супа, используя яд чтобы сдержать яд, и от этого у него потекли слезы, и все его лицо было влажным.

Голос Юнь Цо был тихим.

— Я же сказал... невкусные.

Он никогда не привыкал к вещам Мира Бессмертных. В прошлой жизни он ел эти вульгарные маринованные целебные травы, популярные среди демонов, и никогда не позволял Сюэ Хуаю узнать об этом. Он боялся, что его маленькому бессмертному это не понравится.

Его Сюэ Хуай невинный и чистый, поэтому пыль и мрак вокруг него не должны быть увидены им.

Сюэ Хуай подождал, пока пройдет острая боль, а затем вытер слезы с уголков глаз и с сомнением сказал:

— Мне правда кажется, что это очень вкусно. Они хороши для еды. Я думаю, что они так же должны быть хороши для вина, просто немного остро. В следующий раз ты можешь помочь мне достать немного неострых? Я буду есть их с лапшой и крабовыми пирожками.

Юнь Цо был ошеломлен.

— Ты... правда хочешь?

Сюэ Хуай долго смотрел на него, и, казалось, догадался, о чем он думает, поэтому лениво откинулся на спинку стула.

— Я думаю, что некоторые вещи в Мире Бессмертных не обязательно лучше, чем в Мире Демонов, и некоторые люди тоже очень плохие, и даже не дотягивают до моего Сяо Тао. Я знаю, что во время войны между бессмертными и демонами многие люди смотрели свысока на Мир Демонов, и до сих пор некоторые люди предвзято относятся к Миру Демонов. Это очень глупо. Или... ты думаешь, что я какой-то человек, который не ест дым и огонь этого мира*? Не буду врать, я на самом деле очень вульгарный, и у меня нет ничего общего с весенним солнцем и белым снегом**.

*“Не питаться дымом и огнем человеческого мира” - жить в отрыве от реальной жизни.

**“Весеннее солнце и белый снег” - описание изысканной, возвышенной музыки, литературы, искусства, а также людей, обладающих утонченным вкусом.

Призрак-обжора слушал это долгое время и почувствовал, что длинная речь Сюэ Хуая долго хвалила его - поэтому он радостно завыл и бросился в его объятия, отчего тот упал на спину, и отчаянно лизал его лицо.

Затем Сюэ Хуай схватил его и отлупил.

Юнь Цо, улыбаясь, оттащил питомца от своего любимого и тихо сказал Сюэ Хуаю:

— Спасибо тебе, брат Сюэ Хуай.

Сюэ Хуай знал, что он понял его, поэтому больше ничего не сказал. Тихо поев, он встал, чтобы помыть посуду, но Юнь Цо остановил его и пошел мыть посуду сам.

После уборки Сюэ Хуай вежливо сказал:

— Уже поздно, я отведу тебя обратно.

Но Юнь Цо ответил:

— Сюэ Хуай, давай обсудим испытание, которое будет через несколько дней.

С этими словами он достал откуда-то бумагу и письменные принадлежности, благопристойно сел за стол Сюэ Хуая и принял серьезное отношение к обсуждению.

Сюэ Хуай сказал:

— Мы можем обсудить это завтра.

Юнь Цо невозмутимо сказал:

— Мы также можем обсудить способы улучшения метода наблюдения за сердцем. Брат Сюэ Хуай, что ты думаешь?

— ...

Через три часа.

Юнь Цо долго болтал с ним, но все еще не затронул метод наблюдения за сердцем, и Сюэ Хуай почувствовал сонливость.

Он только помнил, что Юнь Цо все еще рисовал ему там картинки - рисуя те несколько сотен случайных массивов и ландшафтов, которые появлялись на месте их экзамена, и, глядя на это, он начал клевать носом и заснул, подперев голову руками.

В полусне он смутно почувствовал, как Юнь Цо уговаривает его пойти спать в кровать, и он неохотно и в полубессознательном состоянии повалился на кровать и собирался заснуть. Но тут же проснулся -

Кровать тяжело провалилась, теплое тело протиснулось, прижавшись к нему.

Сюэ Хуай насторожился.

— Что ты делаешь?

Голос Юнь Цо не выдавал никаких отклонений и тихо раздался из-за его спины:

— Помогаю тебе заправить одеяло, спи спокойно.

Сюэ Хуай какое-то время настороженно следил за ним, но обнаружил, что Юнь Цо действительно занят тем, что поправлял его постель, добавлял одеяло, подтыкал уголки одеяла, снова и снова суетясь. Ему стало немного неловко, и он попытался встать, чтобы сделать это самому, но Юнь Цо остановил его одной рукой.

Он осторожно держал его за мягкую шею, легонько погладил его по щеке, и это тихое “хорошо” словно прорвало клубок горячего водяного пара, тяжело упало, раздув какую-то невыразимую тайную радость.

Каждый раз, когда Сюэ Хуай собирался заснуть, он, казалось, находил возможность проявить свою истинную природу, и все то жалкое и послушное, что он проявлял в обычные дни, разрывалось, обнажая под ним непокорную, властную и агрессивную подкладку.

Он осторожно лег, обнимая Сюэ Хуая вместе с одеялом. Сначала он обнимал его очень легко, боясь потревожить его, но позже, увидев, что Сюэ Хуай крепко заснул, он медленно расслабился и опустил вес, по-настоящему обнимая его.

В результате Сюэ Хуай все равно проснулся - он сразу понял, что делает Юнь Цо, повернулся и попытался оттолкнуть его.

— Уходи, уходи. Что ты делаешь? Ты собака? Иди спать. Я смотрю, ты...

На самом деле слова, которые он говорил в полусне, не имели ни малейшего сдерживающего эффекта, а, скорее, содержали в себе какую-то сонную интонацию, мягкую.

Юнь Цо улыбнулся и, воспользовавшись этим, прижал его еще сильнее - до этого Сюэ Хуай был к нему спиной, а теперь все было в порядке, Сюэ Хуай сам повернулся к нему лицом и как раз уперся в его грудь.

На этот раз он не смог вырваться, и Юнь Цо, воспользовавшись этим, обнял его, несмотря на то, что Сюэ Хуай царапал его, уговаривая:

— Спи, спи, брат Сюэ Хуай.

Сюэ Хуай все еще что-то говорил, целую кучу слов, постоянно протестуя против его действий, но его рот был закрыт одеялом и объятиями, и было трудно расслышать. Только голос самого Юнь Цо было слышно отчетливо.

— Спи, спи, ложись спать пораньше. Разве тебе не нужно завтра идти к учителю по делам? Спи, спи, все в порядке.

Он уговаривал его полчаса, и, наконец, увидел, что Сюэ Хуай больше не сопротивляется и послушно спит.

Он осторожно использовал свои навыки, чтобы подавить свое сердцебиение, неподвижно обнимая человека, и так провел всю ночь.

~~~~~

Автору есть что сказать:

Сюз Хуай (внезапно обнятый): Юнь, ты @#%...&*(

Юнь Цо: (*□□□) Тише, тише, все в порядке, сейчас поглажу и успокою, моя женушка.

<http://bllate.org/book/14664/1302065>